

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Москва, 13 апреля 2002 г.

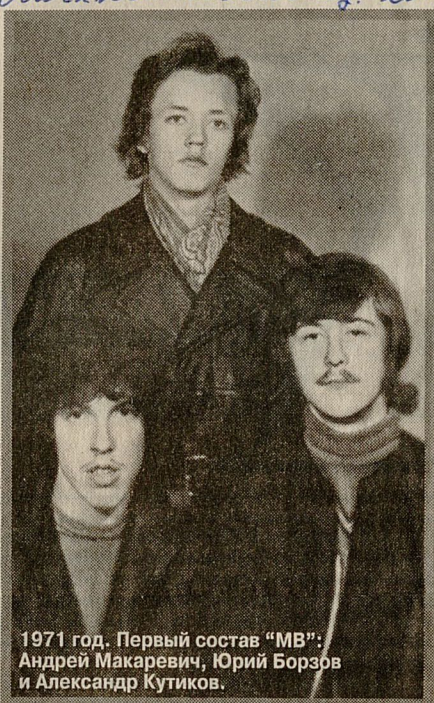
Давным-давно, когда деревья были большими, а у «Машины времени» еще молоко на губах не обсохло, Кутиков совершил свой первый подвиг во имя будущей легенды российской рок-музыки: чтобы группа имела возможность записать альбом, он устроился в речевую студию ГИТИСа, где числился... уборщицей. Сегодня у него собственная рекорд-компания и целый штат помощников. А еще — семья из двух Кат, старшей и младшей, такса Бруно и два кота, Август и Сентябрь.

— Вы когда-нибудь задумывались, как могла бы сложиться ваша жизнь, не случись встречи с Андреем Макаревичем?

— Неожиданный вопрос: я никогда на эту тему не думал. Но скорее всего я все равно стал бы музыкантом. Музыку я любил с раннего детства. Мама еще до моего рождения работала в цыганском ансамбле Кемалова — танцевала и пела. В нашем доме часто собирались ее друзья по той кочевой, гастрольной жизни. Это были невероятно талантливые цыгане, они потрясающе играли на гитарах и пели, а я слушал и впитывал. Когда подрос, поступил в музыкальную школу по классу трубы. Играл очень неплохо, четыре года оттрубил в школьном оркестре практически на всех духовых инструментах за исключением тубы. А к моменту нашей встречи с Андреем я уже сменил две или три группы — полудетские, полудворовые. Мы строили колонки из старых платяных шкафов, увлеченно репетировали и даже пару раз выступали.

— И какое впечатление произвел на вас Макаревич при первой встрече?

— Я был влюблен в девочку, которая училась в одном

1971 год. Первый состав «МВ»: Андрей Макаревич, Юрий Борзов и Александр Кутиков.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ

классе с Сережей Кавагоз, первым клавишником, а в дальнейшем — барабанщиком «МВ». Он и познакомил меня с Андреем.

Впечатление у меня осталось самое лучшее. Все мы были духовно близки и быстро подружились, а уже потом возник вопрос: а почему бы не поиграть вместе? Бас-гитариста «МВ» Игоря Мазаева забирали в армию, и его место предложили мне. Я пришел на репетицию, сыграл «Yellow river», еще пару известных хитов. А 3 ноября 1971 года состоялся мой первый концерт в составе группы «Машина времени». И пошло-поехало.

— Истории известно немного групп, сумевших сохранить основной состав на протяжении стольких лет. Были моменты, когда между вами и Андреем пробежала черная кошка?

— Настоящая, большая черная кошка между нами не пробежала ни разу, слава богу. Но я трижды уходил из группы. Первый раз ушел осенью 72-го, а уже в декабре вернулся обратно. Тогда Сережа Кавагоз и Андрей Макаревич захотели поиграть другую музыку с другими музыкантами. Я, в силу своей природной осторожности, пытался отговорить их от столь бессмысленной затеи: слишком велика была разница между нами и теми людьми. Хотя это были лучшие музыканты в Москве — барабанщик Юра Фокин из «Скоморохов», блестящий певец Сережа Грачев, Игорь Саульский. В результате возникших разногласий мне пришлось уйти, но вся затея просуществовала не более трех месяцев, как я и предсказал.

Другой уход был связан с нашей ссорой с Сережей Кавагоз. Он в очередной раз собирался поступать в институт и предложил нам на три месяца прекратить концертную деятельность. Сережа имел интересную особенность: он поступал в разные институты практически каждый год, потом бросал и поступал заново. Я считал, что надо не дуры маяться, а играть. Мы поцапались, и я ушел в «Високосное лето».

Третий и последний раз я ушел из «МВ» на профессиональную сцену. Месяцев восемь проработал в Тульской филармонии и очень многому там научился. Профессиональная музыкальная жизнь была очень не похожа на ту жизнь, которую вели мы. Только там я по-настоящему понял, что такое репетиция.

— А «МВ» умудрялась обходиться без репетиций?

— Нет, конечно. Но выглядело все совершенно иначе: много часов совместного музицирования себе в удовольствие, но никакой организации. Мы не представляли, что можно отдельно разучивать голоса, отдельно — инструментальные партии, потом сводить их вместе. У нас все наигрывалось в процессе самой игры.

— Вам часто приписывают амплуа Пола Маккартни: второй лидер, вечно остающийся вторым. Это лстий или раздражает?

— Мне кажется, что все эти «амплуа» притянуты за уши, ведь все относительно. Но, если рассуждать о ролях, могу сказать однозначно: я никогда не стремился быть абсолютным лидером и никогда не стремился быть первым. Первый — это не тот, кто прибегает первым. Потому что, прибегав, можно надорваться и умереть на том же месте. Первый — тот, кто приходит к финишу спокойно, оглядывается и видит: никого нет. На Востоке есть хорошая простая поговорка: торопиться не надо.

— По молодости честолюбие не бунтовало, не возникало ревности?

— Никогда. Я считаю последним делом ревновать друзей и близких женщин.

— Заметьте, не я заговорила о женщинах. Вы сами начали, а я продолжу: какую роль сыграли женщины в судьбе музыканта?

— Я не буду эту тему развивать. Могу сказать только, что моя жена, с которой мы счастливо живем уже девятнадцать лет, — исключительный человек. Ее зовут Катя, это мое самое любимое имя. У меня и дочь зовут Катя.

— Когда вы познакомились, Катя-старшая была вашей поклонницей?

— Нет, она даже не знала о существовании «МВ» и вообще была очень далека от музыки. Я впервые увидел ее в горах на Домбае: мы приехали кататься, я увидел ее глаза и веснушки и сошел с ума. Можно долго рассказывать о том, как я за ней ухаживал. Скажу только, что это было непросто. По приезде в Москву мне при-

СЕРГЕЙ СИЛАТОВ

ИЗ Личного архива

шло несколько дней разыскивать ее, потому что она не оставила никаких координат. Но уже спустя три-четыре дня я ее нашел и позвонил. А потом ходил за ней, как паж, в течение довольно долгого времени. — Вот уж не подумала бы, что вы на такое способны! — Такая женщина достойна того, чтоб за ней ходили всю жизнь, а не просто первые полгода ухаживаний. — А чем занимаетесь ваши жена и дочь? — По первому образованию жена — театральная художник-постановщик, до рождения дочери работала в театре. А сейчас она заканчивает архитектурный институт, получает вторую специальность: ландшафтный дизайн. Она замечательный ландшафтник, ей это очень нравится, она говорит, что наконец-то может полностью себя реализовать. Я вижу ее работы и искренне удивляюсь: настолько они интересны, красивы и талантливы!

— У вас есть собственный кусок земли, где она реализует свои таланты?

— Есть, но на нашем кусочке земли реализовать их достаточно сложно: он маловат, развернуться негде. Но кое-что ей все-таки удалось там сделать. Катя все время занимается сагзу — японским искусством растительной миниатюры. В сагзу существуют четыре уровня обучения, все экзамены сдаются в Японии. Сдавший получает японское имя и право создавать свою собственную школу. Моя жена сумела пройти это испытание.

— Вы так и не рассказали ничего про вашу дочку, Катю-младшую.

— Она учится в хорошей школе, ей скоро исполнится 13 лет. Изучает два языка, английский уже знает вполне прилично. Второй ее язык — французский. Учится еще и в музыкальной школе имени Дунаевского на отделении фортепиано, очень неплохо играет, старается, у нее прекрасные педагоги. Катя отлично рисует для своего возраста — видимо, в маму. Пытается писать стихи, правда, пока они больше похожи на мои, чем на Андриюшны. Но впереди у нее еще очень много времени. Так что у меня нет ни малейшего повода быть недовольным своей дочерью.

— У вас самый плейбоистый вид из всей «Машины». И это не только мое мнение. У кого было

В 1981 году в газете «Московский комсомолец» появился первый в СССР хит-парад. Песней года был признан «Поворот» — голос Александра Кутикова звучал на всю страну. Тогда же Владимир Матецкий заявил: «Поворот» стал Гимном Советского Союза». А весной 1982 года «Комсомолец» разразилась знаменитой статьей о «Машине времени» под названием «Рагу из синей птицы». На посту главного редактора «КП» тогда трудился Геннадий Николаевич Селезнев. Теперь Селезнев мается на распутье, зато Кутиков — в полном порядке. Ему сегодня пятьдесят стукнуло.

Александр КУТИКОВ: «Я увидел глаза и веснушки и сошел с ума»

больше поклонниц — у вас или у Макаревича?

— Я никогда не мерился. Я вообще не меряюсь ничем, кроме, пожалуй, количества удачи. И в плане удачи, думаю, у нас ничья. Где-то Андрей более везучий, а где-то я. А к поклонницам я всегда относился очень спокойно. Слава богу, фронтмен — не я, а Макаревич, и ему, конечно же, приходилось тяжелее. А по поводу «плейбоистого вида» — да, я люблю женщин. Я их очень люблю!

— Именно вы написали и спели существенную часть тех хитов «Машины», которые проложили ей дорогу в историю. Один «Поворот» чего стоит.

— Не все песни, которые я пою, принадлежат мне. Допустим, «Кого ты хотел удивить» написал Андрей, а я просто сказал: «Макар, дай я ее спою». «Поворот» вообще был написан очень забавно. Я тогда пригласил Петю Подгородецкого играть в «МВ», и мы с ним часто проводили вместе вечера на студии в ГИТИСе. Из Петьки все время прет какая-то музыкальная энергия (правда, не всегда отягощенная организацией), и в тот вечер он, как обычно, что-то наигрывал. И вдруг я понял, что у меня в голове появилась офигительная тема. Я сказал ему: «Петь, давай я тебе сейчас напою мелодию, а ты ее гармонизируй». И сходу спел весь будущий «Поворот». Причем изначально мелодия была медленная, лирическая. Она проходила у меня под кодовым названием «сентиментальное чудовище». Когда я сыграл ее Макару, он сказал: «Ну нет, я никогда не напишу к ней текст, это ж про любовь». Но у меня уже был заготовлен другой вариант — рок-н-роллоподобный, и я спросил: «А если вот так?» — «Вот так — пожалуйста». Так — я написал», — воспринял Макар, ушел и через два часа принес готовый текст.

— Хоть вы и говорите, что все параллели с Маккартни неуместны, но примерно так же, спонтанно, родилось и «Yesterday».

— Нет. Для «Yesterday» слова написал сам Маккартни, а Леннон их просто чуть-чуть подправил. В отличие от Маккартни (и к сожалению для самого себя) текстов я не пишу совсем. Попробовал когда-то и понял, что дружба с людьми, которые делают это намного талантливее, не позволяет мне показывать то, что у меня получается. С тех пор за перо не берусь. Исключение сделал совсем недавно: начал работать над несколькими сольными песнями, и так получилось, что в одной из них я был вынужден сам дописать третий куплет. Потом позвонил Макару, он подправил одну фразу, которая и довела мой куплет до блеска.

— Вы поете так, что иногда кажется, что ваши голосовые связки на пределе возможностей, еще чуть-чуть — и порвутся. А у Макаревича, наоборот, звуки кругленькие, мягенькие. Вы сознательно играете на контрасте?

— У каждого человека своя энергетика. Видимо, у меня — вот такая, на пределе. Я вообще не могу петь индифферентно, для меня очень важен текст, я его должен переживать. Не могу петь пустые слова, я их не чувствую. И потом, у всех вокалистов, которые мне нравились, всегда была очень мощная подача — начиная с Литтл Ричарда, Джеймса Брауна и заканчивая «The Beatles», «Led Zeppelin», «Slade», «Creedence Clearwater Revival». Я люблю старую рок-н-рольную школу: в ней есть настоящая экспрессия.

— Тем не менее из всей группы вы первым рас-

прощались с обликком волосатого рок-кумира: подстриглись и надели дорогие очки.

— Да, это был порыв, идущий от сердца. Я не люблю дисгармонии в самом себе и считаю, что внешнее и внутреннее должно соответствовать. Как сейчас помню: я тогда записывал альбом «Лицея». Проходя по студийному коридору, бросил на себя мимолетный взгляд в зеркало и вдруг осознал, что в душе я совершенно другой человек — не тот, которого вижу в отражении. Тут же позвонил своему мастеру Винуру Анварову, у которого стригусь уже много лет, и сказал, что сейчас приеду. Остановил запись, объявил перерыв, примчался к Винуру и с порога выпалил: «Стриги! Коротко стриги!» По моему тону он догадался, что настроен я серьезно. Когда с шевелюрой было покончено, я решил пойти до конца: «Брей усы». Он сбрил усы, и только тогда я увидел в зеркале настоящего себя. Вернулся обратно на студию — меня не пустила охрана. Потом, конечно, разобрались, но коллеги испытывали шок, потому что уехал один человек, а вернулся — другой.

— Друзья-рокеры, наверное, подвергли вас жестокому остракизму.

— Для меня мнение посторонних людей не имеет никакого значения. Я могу отыграть шутку, улыбнуться в ответ, парировать реплику. Но не более того — так уж

Жена и дочь: Катя-старшая и Катя-младшая.

я устроен. Друзья, разумеется, были очень удивлены. Представьте: лет с семнадцати я носил длинные волосы и усы. И все меня только таким видели, знали и в другом виде даже не представляли.

— Вы в свое время привели в группу Петю Подгородецкого. А в его изгнании вы принимали участие?

— Дело в том, что никакого изгнания не было. Ни журналисты, ни он сам, к сожалению, никак не могут понять одного: его никто не выгонял. Он сам себя выгнал.

— Насколько правдива история, что последней каплей стало шоу, устроенное им на сцене провинциального клуба в объятиях нагой стриптизерши?

— Нет, это ерунда. Вообще, не хотел бы обсуждать эту тему.

Моя позиция такова: пусть все «почему» и «как» останутся внутри нашей семьи — «Машины времени». Петя считает, что он имел право высказываться любым образом, каким он высказывался, — ну и хорошо, это его дело.

— Опять-таки одним из первых в группе вы занялись серьезным бизнесом, создав собственный рекорд-лейбл. Вы сделали это ради собственной финансовой стабильности?

— Звукорежиссером я начал работать еще с 70-го года на Гостелерадио. Мне всегда было интересно работать с разными артистами в студии. Поэтому вполне естественным образом я пришел к созданию собственной компании. Но, к сожалению, этот бизнес, как и весь шоу-бизнес в нашей стране, нельзя назвать серьезным. О серьезном бизнесе можно говорить тогда, когда есть крупные доходы, обороты. В российской рекорд-индустрии ничего похожего не наблюдается, потому что больше, чем у нас, не воруют нигде. Многие занимаются этим видом деятельности только ради того, чтоб застолбить пространство на рынке — на тот случай, если когда-то в нашей стране удастся победить пиратство и ситуация изменится к лучшему. Что, по-моему, случится нескоро.

— Почему вы не стали партнером Макаревича в его ресторанных делах? Кулинария вам неинтересна?

— Потому что он меня никогда не приглашал. Не знаю, если б пригласил, я бы посмотрел — интересно мне это или нет.

— Надо же, какой Макаревич частный собственник. А в юности на гастрольях он баловал соратников плодами своих гастрономических дарований — ну хотя бы макаронами по-флотски?

— Макар действительно хорошо готовит, и мы довольно часто собирались и до сих пор собираемся у него дома. А на гастрольях мы играем музыку, там некогда заниматься приготовлением пищи.

— Тогда опишите свое самое яркое гастрольное впечатление.

— Их было два. Летом 72-го года мы поехали в международный лагерь «Буревестник». Я до этого никогда не был на море. И когда из окна вагона я впервые увидел море и почувствовал его запах, ощущения у меня были фантастические. Я их на всю жизнь запомнил. В голове сразу же пролетело невероятное количество ассоциаций и образов. У меня даже возникло чувство, что я увидел свою жизнь на много лет вперед. Так действовало на меня море.

Второе сильное впечатление — когда в 87-м году мы приехали в Японию. Это был настоящий шок, удар. Мы впервые увидели какастру, и все четверо суток, что мы там находились, я не спал ни часу: настолько все вокруг поражаало воображение. Жалко было времени на сон. К тому же мы работали с такими артистами, с именитейшими музыкантами! Я никогда не мог предположить в самых смелых мечтаниях, что мне доведется стоять на одной сцене с Джеймсом Брауном. Концерт был исключительный, он закончился общей вечеринкой и джемом.

— Кем вы себя ощущали? Небожителями?

— Учениками. Я тогда сформулировал для себя одну истину: все они играют рок-н-ролл, а мы все играем в рок-н-ролл. Вот она, разница!

Катя ПРЯНИК.